

Родился в Москве. Жил в Днепропетровске, в 1988–1991 годах — в Риге. Работал сборщиком на конвейере, инструктором по плаванию, экспедитором. В 1982–1984 — служил во внутренних войсках МВД. Окончил дирижёрско-хоровое отделение Днепропетровского культурно-просветительского училища. Писал стихи и песни с середины 1980-х годов. Скончался в 1993 году в Днепропетровске. При жизни не публиковался.

В 2009 г. в Екатеринбурге вышел его сборник «Имущество природы», подготовленный Ю. Казариным и К. Патрушевым. Стихи И. Асаева посмертно публиковались в «Рижском альманахе», в сборнике «Илья Асаев. У столетья на краю» (Рига. ЛОРК. 2014, где также собраны воспоминания о поэте его родных и близких и рецензии на его книгу стихов «Мы затеяли жить...»), в журналах «Звезда» (2011) и «Нева» (2012).

ПОСЛАНИЕ НАЗАД

* * *

Когда уже ни горечи, ни зла
И сумерки касаются стекла,
Я прислоняюсь к тёмному окну.
И сквозь его густую тишину

Смотрю — близнец из прошлого встаёт
И смотрит, и меня не узнаёт.
И, обретая ясные черты,
Кладёт туда горячие следы.

Не голос, а его усталый взгляд
Настойчиво зовёт меня назад.
И дальше, через улицу и снег,
Уходит вглубь не бог, не человек —
Далёкий призрак, прячась где-то там.
И я за ним — к таинственным вратам...
Беру аккорд когдатошный и сам
Себе шепчу священное: «Сезам!».

ПОСЛАНИЕ НАЗАД

Через кошмар материка, где — мрут, живут и смотрят сны,
Из не страны еще пока? — и всё же из другой страны;
От моря — к морю; вдоль зари; через лобастый полукруг
Отрезка глобуса Земли... короче — с Севера на Юг.

Из дня сегодняшнего — в тыл, к концу ведущего пути;
Друзья! (Не верьте, что забыл.) С далекой преданностью и,
Увы, имеющей предел, там — на краю заветных ям,
На птичий жалобный манер спешу прокукарекать Вам

Своё «ку-ку», мои друзья! — пустынники и шатуны.
Еще не из небытия — к уже преданью старины.
Из этих скорченных времен, где, видимо, и догорим,
В те золотые времена, которых мы не повторим.

ЭТЮД

Когда — ни праздник, ни беда;
Когда — ни горе, ни успех;
Когда прощанье навсегда
Осядет в легких, а не смех;

Когда ни словом, ни слезой
Не наполняется тетрадь;
И на манер лихой борзой
Жизнь обгоняет возраст, — сядь

В окно. И голосом струны
Отправь кружиться мотылька
Вокруг искусственной луны,
В квадратном небе потолка.

Качнётся улица в глазах,
Вдоль покосившихся домов,
Где, словно в Брейгелевских снах —
Тела чернеющих стволов,

Вбирая снежную картечь,
Сулят разгадку для ума...
И, воплощая зренье в речь,
Промолвишь в форточку: «Зима».

Ну, что ж, зима... Туда и жизнь,
По переулкам и мостам
Все реже ввысь, все чаще вниз —
В свой заговоренный сезам

Вершит короткий переход...
И на ходу глотая снег,
По белым зарослям плывёт
Тоска... (читайте — человек).

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

М. П.

Ты не бойся, глазки закрывай.

Г. Поженян

Спи, мой детский человек,
Не о нас горюет век.
Не о нас наш дом грустит...
Ничего. Ты просто спи.

Из кухонного окна
В небо выпрыгнет луна,
Ты тихонечко уснёшь,
Тоже в небо уплывёшь.

Как от сердца к сердцу дрожь —
Я колдую, ты плывёшь.
У столетья на краю —
Ты плывёшь, а я — пою.

Ты уснул, а я сказал:
— Пока живы, всё — вокзал,
Наши души (так всегда)
Ниоткуда — в никуда.

Только память (лёгкий свист) —
Твой дремучий южный сфинкс...
Да и тот укрыт песком,
Спит египетским зрачком.

Твой Восток поёт — тоска...
Счастье после, а пока —
Ты не слушай никого,
Спи... и больше ничего.

Небо просится в ладью.
Ты — плывешь, а я — пою:
— Два гребца в чужом раю...
Нам и больно, и легко.

Мы грустим, но ни о ком.
Любим мы не тех, кто есть,
А других не будет здесь.
Но об этом... спи. И всё.

На земле — всему своё...
Вот и мы своим путём
В наше прошлое живём.
В нашем прошлом (что тужить?!)

Будет маленькая жизнь.
Ну а после (что жалеть?!)
Будет в нем большая смерть.

Ты не слушай, я устал...
Смерти нет, а я соврал.
Будем лучше оживать,
Что за радость умирать.

МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

(Из цикла «Сказки»)

Не потому, — что всё «не Так»,
Не потому, — что «Так» не будет.
И в многоточье наших судеб
Лишь смерть надежнейший маяк;

Я не в пруду и не в петле
Не потому, что где-то нужен.

И не затем, что с кем-то дружен,
Трясу костями по земле.

Не потому, — что за черту
Смотрю, как розовый романтик.
А потому, — что, как лунатик,
В окно за звёздами иду.

И наяву, а не в бреду
Я в полночь бегаю по крышам,
И голоса родные слышу,
И руки на небо кладу.

НА ХУТОРЕ

Ночь в свой засос затягивает дом, —
Пространство с камнем празднуют взаимность,
Луна совокупляется с окном,
Не опасаясь за свою невинность.

Глубинный всплеск полуночной воды;
Так, шаря в планетарии колодца
Ведром для извлечения звезды, —
Есть шанс в себе отметить чудотворца.

* * *

Выпорхнула птичка из ларца.
Что ни взмах — то дале от крыльца.

Что ни взмах, — то легче без неё
Слушать одиночество своё.

Вскидывала в щебете виски.
Летний корм брала с моей руки.

А как заприметила снега —
Подалась немедля на юга.

Ни словца из клюва не снесла.
Ни пушинки в руку не дала.

Распустила лёгкие крыла,
Унеслась. Умчалась. Умерла...

АВТОЭПИГРАММА

Ну что с ним делать? Перекрасить кровь
В какой-нибудь сумбурно-красно-синий?..
Все песни — непонятная любовь,
Все песни — непонятная Россия.

ПОСВЯЩЕНИЕ О. МАНДЕЛЬШТАМУ

Коль случилось нам сюда прийти,
Коль уж дальше некуда бежать
И назад отрезаны пути,
Значит, будем вместе зимовать.

Ничего не нужно говорить,
Никого не стоит упрекать.
Нам бы хоть немножечко пожить,
И ни в коем случае не спать!

Ерунда, что круглый год метет
И дорога скатертью не стелется.

Раз уж нам так долго не везёт,
Может, дальше что-нибудь изменится.

Никого не нужно обвинять —
Сами заковали себя в лёд;
Только не спешите умирать,
Может быть, хоть это нас спасёт.

А уж если, вправду, до земли
Ни рукой, ни вздохом не достать,
Если не дойти, не доползти —
Значит, будем вместе замерзать.

Ноябрь 1988